

А. С. Русяева

ОРФИЗМ И КУЛЬТ ДИОНИСА В ОЛЬВИИ

ОРФИЗМ, будучи полурелигиозным, полуфилософским учением, разработав свою собственную теогонию и космогонию, проникая в государственные культы, касаясь различных важных вопросов человеческой мысли, имел большое значение в жизни древних греков¹. Однако источники чисто орфического учения сравнительно скудные, основные положения его мистического и философского характера содержатся в дошедших до нас сочинениях орфиков, а также у древних авторов, в той или иной мере находившихся под влиянием этого учения². Тем более в таком случае важны археологические материалы, дающие какое-то представление об этих учениях или являющиеся дополнением к уже известным данным.

Настоящая работа посвящена предварительной публикации некоторых эпиграфических и археологических памятников, накопленных в процессе многолетних раскопок Ольвии, которые имеют отношение как к культу Диониса-Загрея, так и связанному с ним учению орфиков. Среди этих памятников наиболее интересны граффити на костяных пластинках (рис. 1—6).

В районе теменоса Ольвии в 1951 г. в яме V в. до н. э. были найдены в одном месте три тщательно отполированные костяные пластинки с прочерченными тонким острием надписями и рисунками³. И пластинки, и надписи на них по своему исполнению неравноценны между собой. Первая пластинка, отполированная с одной (лицевой) стороны и частично с боков, имеет форму, приближающуюся к трапецевидной; размеры: 5,1 × 4,4 × 0,2 см. Основная надпись находится в верхней части пластинки: в левом углу прочерчено слово βίος, за ним в одной строке θάνατος η βίος, под этими словами, ближе к правой стороне пластинки — ἀλήθεια. Набор этих слов можно интерпретировать как изречение: «Жизнь — смерть — жизнь — истина». В нижней части пластинки менее аккуратно и более

¹ E. Rohde, *Psyche*, Bd. II, Tübingen, 1907, стр. 403—437; M. Nilsson, *Geschichte der griechischen Religion*, I, München, 1940, стр. 643 сл.; W. Nestle, *Griechische Geistesgeschichte von Homer bis Lukian*, Stuttgart, 1944, стр. 52—56; W. Guthrie, *Orphée et la religion grecque*, P., 1956.

² *Orphica*, Lipsiae, 1885; O. Kern, *Orphicorum fragmenta*, Berolini, 1922; Н. И. Новосадский, *Орфические гимны*, Варшава, 1900.

³ О—51/3695. А. Н. Карасев, *Дневник археологических раскопок Ольвии за 1951 г.*, стр. 47, Отчет Ольвийской экспедиции за 1951 г., Архив ИА АН УССР. Хранятся в ИА АН УССР.

крупными буквами прочерчено Διο ορφικοί — Διόν(υςος) или Διο(νύσωι) ορφικοί — «Дионис — орфики или Дионису — орфики» (рис. 1; 6, 1).

В средней части пластинки имеются отдельные знаки: буква Α, под ней, вероятно, — Ζ; в правом верхнем углу знак того же типа, но более вытянутый, под ним Ν, или же, если смотреть сбоку, все тот же знак, напоминающий Ζ. Все буквы на пластинке прочерчены с различной степенью углубления и наклона, некоторые, особенно в верхней части, едва просматриваются, так как они едва углублены и из-за множества царапин и трещин.

Иначе выглядит вторая пластинка прямоугольной формы, размерами 4,7 × 3,1 × 0,6 см (рис. 2; 6, 2). Она отполирована более тщательно со всех сторон, более массивна и меньше повреждена. На ее лицевой стороне в верхней части читается двухстрочная надпись, состоящая из четырех слов:

Εἰρήνη πόλεμος
Ἀλήθεια ψευδος
«Мир — борьба (вражда, война),
истина — ложь».

Во второй строке надписи на начальных двух буквах прочерчены две *сигмы*. Трудно сказать, были ли они написаны до или после появления всей надписи; неясно и их назначение. Под этими строками довольно неаккуратно, сравнительно большими буквами прочерчено Διον, вероятно, Διόν(υςος) или Διον(ύσωι). Последняя буква этого слова, если смотреть сбоку, напоминает *дзету* на первой пластинке. В левом нижнем углу помещена широкая *альфа*. На оборотной стороне пластинки, не столь хорошо отполированной, в верхней части имеется рисунок, представляющий неправильный прямоугольник, разделенный на семь неравных частей, внутри которых размещены семь овалов. Рядом слева — знак в виде перевернутой *сигмы* или же неряшливо исполненная *дзета*, внизу *дзета* того же типа, что на предыдущей пластинке. Ее пересекает длинная косая черта, по всей видимости, случайная царапина (рис. 6, 2б).

Поверхность третьей пластинки сохранилась гораздо хуже, надпись просматривается неотчетливо (рис. 3; 6, 3). Пластинка имеет прямоугольную форму со слегка закругленными углами и выемку на оборотной стороне. Ее размеры: 4,8 × 3,5 × 0,5 см. В верхней части ближе к середине сравнительно большими буквами прочерчено Διο — Διόν(υςος) или Διο(νύσωι). Сбоку справа в этой же строке все тот же знак, напоминающий *дзету*. Внизу размещена двухстрочная надпись, сохранившаяся только частично. Из-за множества трещин и потертостей нельзя сказать, какое слово было в начале первой строки. Дальше читается: ἀλήθεια — «истина». Во второй строке от первого слова сохранились отчетливо последние буквы ΙΑ. Восстановить первоначальные буквы, учитывая теперешнее состояние пластинки, вряд ли возможно. За ними — слово ψυχή — «душа». В левом нижнем углу написана широкая *альфа*. Первая вертикальная и нижняя поперечная черточки этой буквы прочерчены дважды. На оборотной стороне имеется рисунок в виде незамкнутого прямоугольника с двумя пересекающимися диагоналями (рис. 6, 3б).

По условиям находки пластинки датируются V в. до н. э. Палеографический анализ, подробности которого составляют особую тему, не противоречит этой датировке⁴. Однако следует отметить, что *дзета* на всех трех пластинках не соответствует ее ранней форме. Подобное воспроизве-

⁴ M. Guarducci, Epigrafia Greca, I, Roma, 1967, табл. I—II.

Рис. 1. Первая пластинка

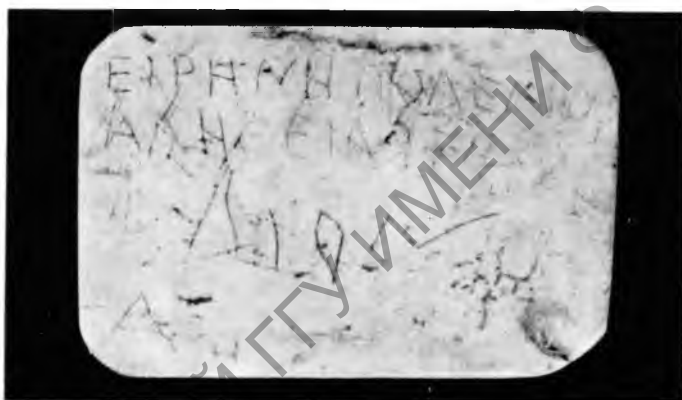

Рис. 2. Вторая пластинка

Рис. 3. Третья пластинка

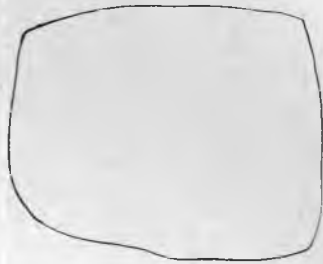
Рис. 4. Пластинка со схематическим изображением парусного судна

Рис. 5. Пластинка со схематическим изображением коня

α

β

1

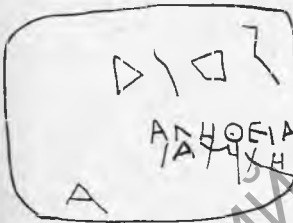

α

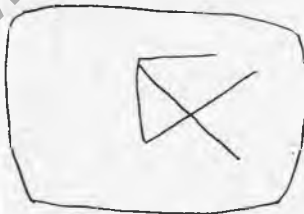

β

2

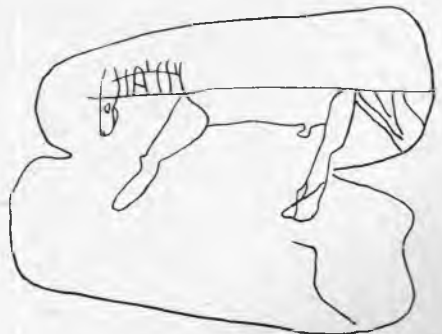
α

β

4

5

Рис. 6. Граффити на костяных пластинках из Ольвии (прорись)

денне этой буквы, возможно, следует объяснять скорописью или магическим обозначением семерки. Не исключено, что Z могла быть и первой буквой от слова Ζαγρός, хотя в дошедших до нас орфических сочинениях это имя прямо нигде не упоминается⁵.

Внешний обзор этих памятников показывает, что не только по материалу, качеству изготовления и совместному нахождению, но и по содержанию они объединены между собой. Общность содержания заключается прежде всего в связи этих граффити с культом Диониса, о чем свидетельствует сокращенное написание его имени на всех трех пластинках⁶. На первой из них имя Диониса находится в сочетании со словом «орфики». Рассматриваемые граффити — первое прямое свидетельство проникновения в Ольвию орфических учений.

Орфики, как известно, были последователями особого примыкавшего к культу Диониса религиозного учения, основателем которого считали мифического поэта Орфея, сына фракийского царя Эагра и музы Каллиопы⁷. Они объединялись в общества (φίλοσοι), распространившиеся по всему греческому миру, но особенно в Аттике и Италии⁸. Первоначальным местом обоснования орфиков были Афины времен Писистрата⁹. Основателем их секты был Ономакрит, по свидетельству Павсания, — первый орфический теолог, в поэтической форме представивший учение Орфея, смысл которого заключался в пересказе таинств Диониса и создании его культа¹⁰. Сущность орфизма, трактовавшего такие вопросы, как бессмертие в потустороннем мире, возможность избавления от мучений после смерти, нравственное очищение человека после посвящения в орфические таинства, заключалась в мистическом учении, происходящем из земледельческой магии¹¹. Этими же идеями были пронизаны мистерияльные таинства земледельческих божеств в Элевсине и на Самофракии, находящиеся под влиянием орфизма¹².

Для орфиков было характерно составление гимнов, молитв, заклинаний, оракулов (χρησμοβαί), мистических изречений, имевших тайное значение, содержание которых можно было понять путем постоянных повторений и размышлений¹³. Верхняя надпись на первой пластинке, если ее представить соответствующим образом: «Жизнь — смерть — жизнь — истина», может быть мистическим изречением, хотя оно и не встречается в дошедших до нас орфических памятниках¹⁴. Орфики, как известно, уделяли большое внимание понятиям жизни и смерти, считая,

⁵ Orphica; Kern, Orphicorum fragmenta, 210, стр. 230; O. Kern, Die Religion der Griechen, Bd. II, В., 1935, стр. 159.

⁶ В античных городах Северного Причерноморья найдены посвящения Дионису сокращенного написания (И. И. Толстой, Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья, М.—Л., 1953, № 34, 118, 164).

⁷ Pind., fr. 139, 9; Timotheos, Pers. 234; Apollod., I, 3, 2; Dioid., 3, 65, 6.

⁸ W. H. Roscher, Ausführliches Lexicon der griechischen und römischen Mythologie, Bd. III, Lpz, 1897—1909, стр. 1078 сл.; O. Kern, Die Religion der Griechen, Bd. I, В., 1926, стр. 134; Nestle, Griechische Geistesgeschichte, стр. 52; F. M. Schoeller, Darstellungen des Orpheus in der Antike, Freiburg, 1969, стр. 11.

⁹ Rohde, Psyche, II, стр. 105 сл.

¹⁰ Paus., VIII, 37, 5; Rohde, Psyche, II, стр. 111 сл.

¹¹ Дж. Томсон, Первые философы, М., 1958, стр. 226 сл.

¹² O. Rubensohn, Die Mysterienheiligtümer in Eleusis und Samothrake, В., 1892, стр. 139; Kern, Die Religion..., I, стр. 130; Н. И. Новосадский, Элевсинские мистерии, СПб., 1887, стр. 164; он же, Культ кабиров в древней Греции. Варшава, 1891, стр. 179 сл.

¹³ Orphica; Kern, Orphicorum fragmenta. Об основателе орфизма Ономакрите Геродот (VII, 6) писал, как о толкователе оракулов и сочинителе разных изречений.

¹⁴ Аналогичное изречение «Жизнь есть смерть, смерть есть жизнь», принадлежащее Эврипиду, приводит Дж. Томсон в книге «Первые философы», стр. 227.

что жизнь — это наказание, которым человек искупает грех титанов, что новую жизнь человек может получить лишь через смерть, но для этого необходимо пройти мистическое посвящение¹⁵. Вера в бессмертие души, в переселение душ играла важную роль в орфизме. Орфическая интерпретация жизни и смерти в философском истолковании получила свою окончательную форму лишь у Платона, считавшего, что смерть тела есть только переход в другое состояние¹⁶.

Изречение на ольвийской пластинке при рассмотрении его в свете понятий орфического учения приобретает глубокий смысл, оно характерно краткостью и законченностью мысли. Такое религиозно-философское понятие жизни и смерти непосредственным образом примыкает к орфической интерпретации религии Диониса. Культ Диониса, как и орфическая интерпретация его, оставался земледельческим в течение всей античности, вплоть до средневековья¹⁷. Миф о Дионисе-Загрее, его рождении, растерзании титанами на семь частей и воссоединении Аполлоном в единое целое служил основной темой для различных философских рассуждений о жизни и смерти не только для орфиков, но и для последующих греческих философов, в особенности для Платона и неоплатоников¹⁸. Образ Диониса-Загрея, его трагическая судьба и возрождение — яркая иллюстрация для утверждения мистического учения о новой жизни после смерти¹⁹. Мировая жизнь тоже мыслилась последователями этого учения как целое, которое распадается на части²⁰, и в связи с этим каждое существо является частью космического существа и, как Дионис-Загрей, распадается на части, умирает и вновь возрождается. «Орфики учат здесь, — пишет А. Ф. Лосев, — не просто о богах и не просто о мире, но ставят вопрос о том, как может существовать распавшийся и беспорядочный мир при наличии вечных и никогда не распающихся богов. Они решают этот вопрос в том смысле, что для объяснения распавшегося мира нужно выставить тезис тоже о распавшемся и даже растерзанном божестве, но они присоединяют и учение о восстановлении распавшегося мира и этого растерзанного божества»²¹.

Видимо, из мифа о расчленении Диониса на части и воссоединении его в единое целое проистекает особое увлечение орфиков мистикой чисел, в особенности единицей и семеркой, которое в учении пифагорейцев превратилось в своеобразную философию чисел и числовых отношений²². На всех трех пластинках прочерчены разрозненные знаки, среди них выделяются *альфа* и знак, напоминающий Z; возможно, эти знаки были числовыми обозначениями единицы и семерки в их мистическом или магическом смысле. Вообще мистика разных чисел, но в особенности семерки, была характерна для древнегреческих верований и культов²³. В. Рошер, посвятивший исследованию священных чисел ряд статей, считал, что ор-

¹⁵ R o h d e, Psyche, II, стр. 108 сл.

¹⁶ P l a t o., Cratyl. 400C; Phaedr. 246D.

¹⁷ А. Ф. Лосев, Античная мифология в ее историческом развитии, М., 1957, стр. 154 сл.

¹⁸ R o h d e, Psyche, II, стр. 116—132.

¹⁹ N o n n., Dion.; P h i l., De piet. 16; D i o d., 3, 62, 2—3; P r o c l., In Tim. II, p. 145; P l u t., De ei Delph. 9, p. 388; P l u t., De esu carn. 1, 996 c; K e r n, Orphicorum fragmenta, 31, 34, 209.

²⁰ A p o l l., Argonautica, I, 494—498; D i o g. L a e r t., I, 3.

²¹ Лосев, Античная мифология..., стр. 155.

²² N i l s s o n, Geschichte..., стр. 662 сл.

²³ W. H. R o s c h e r, Die enneatischen und hebdomatischen Fristen und Wochen der ältesten Griechen. Ein Beitrag zur vergleichenden Chronologie und Zahlenmystik, ASAW, Philol.-hist. Kl., 1903, XXI(IV), стр. 3—92; W. H. R o s c h e r, Die Sieben- und Neunzahl im Kultus und Mythos der Griechen, ASAW, Philol.-hist. Kl., 1904, XXI (I), стр. 3—126.

фики заимствовали мистику чисел из мифов и культов Аполлона и Диониса, где единица и семерка играли особенно важную роль; в свою очередь орфическое увлечение числами впоследствии было заимствовано пифагорейцами²⁴.

В понимании орфиков, по свидетельству Олимпиодора, Макробия и Прокла, Дионис, будучи растерзан титанами на семь частей, простирается по всему космосу, овладевает им, проникая во все сферы мироздания, состоящего тоже из семи частей²⁵. Дионису, единственному из богов, приписывалась способность проникать в глубины материи вплоть до ее мельчайших частиц, а затем вновь восстанавливаться²⁶. Именно Дионис в орфических учениях о мире стал тем богом, который понимался как создатель мира или как имманентный этому миру, как мировой и «материальный» ум, мировая душа, господин жизни, смерти и души, как воплощение единства и множественности²⁷. Аполлон соединил его из семи разорванных частей в единое целое — монаду, называемую, согласно Олимпиодору и Проклу, монадой нового бога²⁸.

Очевидно, и цифровые обозначения на костяных пластинках из Ольвии следует понимать в связи с такой интерпретацией Диониса; эти цифры служили символично-мистическими знаками растерзания и возрождения бога. В этом сюжетном плане к ним примыкает и рисунок в виде прямоугольника, разделенного на семь частей семью овалами внутри. Возможно, в таком разделении мыслилось мистическое расчленение тела Диониса. На третьей пластинке неоконченный прямоугольник разделен диагоналями. Возможно, эта замкнутость символизирует беспредельность деления²⁹. Не зная подробностей и всех проявлений орфических обрядов и их символических изображений, судить о назначении и значении геометризованных рисунков довольно трудно. Наиболее вероятным кажется, что надписи, цифровые знаки и рисунки на всех пластинках представляют собой единую структуру мистического и в какой-то мере философского учения о Дионисе.

Надпись на второй пластинке на первый взгляд представляет констатацию противоположностей: мир — война (борьба, вражда), истина — ложь, которые по своему содержанию кажутся сознательным отражением происходящего и наблюдаемого в мире. Известно, что первая таблица десяти противоположностей, созданная пифагорейцами, выражала дуализм, в скрытом виде представленный еще в орфическом мистицизме, и была сформулирована «развернуто и систематически как философская доктрина»³⁰. Но противопоставлений, начертанных на рассматриваемой пластин-

²⁴ W. H. Roscher, *Die Hebdomenlehren der griechischen Philosophie und Medizin*, ASAW, Philol.-hist. Kl., 1906, XXIV (VI), стр. 3 сл. Геродот писал о тождественности некоторых доктрин орфических и вакхических мистерий с учением пифагорейцев (II, 84). В их учениях прослеживается не только сходство, но и взаимовлияния (W. K. Guthrie, *A History of Greek Philosophy*, Camb., 1962, стр. 198). Однако орфическая теология Диониса в пифагорейских учениях отсутствует (Rohde, *Psyche*, II, стр. 108 сл., прим. 1), здесь основным богом выступает Аполлон (Jambl. In Nicom. arithm. introd. 13, 1—14, 3; De vit. Pyth. 10, 11, 23, 1; 129, 15).

²⁵ Olym. p. d., In Phaed. 67 c, p. 43, 14; Mascrob., Somn. Scip. 1, 12, 11; Procl., In Tim. II, p. 145, 18—146.

²⁶ Mascrob., Somn., Scip. 1, 12, 11.

²⁷ Orph. hymn. VI, XXX; Thuc., 2, 15, 13; Procl., In Tim. II p. 145, III p. 310, 30; Olym. p. d., In Phaed. 68 c, p. 48, 25; Myth. Vat. III, 12, 5.

²⁸ Procl., In Tim. II p. 145, III p. 241, 310; Olym. p. d., In Phaed. p. 43, 15—18; p. 88, 5—13. В учении о Дионисе неоплатоники всегда ссылаются на орфиков или Орфея.

²⁹ Damasc. 160, 245, где говорится о частях Диониса и о том, что он является беспредельно делимым множеством.

³⁰ Томсон, Первые философы, стр. 248 сл.; Д. В. Джохадзе, Основные этапы развития античной философии, М., 1977, стр. 23.

ке, эта таблица не содержит. Противоположность «война — мир» встречается у Гераклита Эфесского³¹. Одним из основных понятий его диалектики были «война», «вражда», «борьба»³². Многие исследователи его философии полагают, что Гераклит был непосредственно связан с орфическими мистериями и народной религией, отсюда заимствование им стиля, некоторых понятий и антитез; в свою очередь следы влияния философии Гераклита встречаются у орфиков³³. Учитывая, что надпись на второй пластинке, как и на предыдущей, связана с именем Диониса, с мистическими и символическими знаками и рисунком, объясняющими, по всей вероятности, его философскую сущность, ее тоже можно рассматривать в этом же сюжетном плане. В интерпретации мифа о Дионисе орфики уделяли большое внимание его борьбе с титанами³⁴. И эта борьба (*πολεμος*) была необходима как преодоление всего, противостоящего Дионису-Загрею. Только путем борьбы с титанами, воплощающими ложь, вражду, насилие и неблагочестие, т. е. все то, что несвойственно гармонии и истине жизни, можно было достичь мира³⁵. В возрождении нового божества путем борьбы мыслилось достижение мира как гармонии жизни. Этот же новый бог являлся высшей истиной, достигаемой путем различных преодолений лжи, и борьбой. Вследствие этой борьбы из непаля титанов, конх сразил молнией разгневанного Зевса, возник человеческий род, в котором титаническое (враждебное, лживое) начало было смешано с дионисийским (символизирующим мир и истину). Постоянное противопоставление этих двух начал, считали орфики, составляет сущность человека³⁶. Очевидно, слова в надписи на пластинке расположены попарно одно под другим тоже не случайно. Если читать их сверху вниз (мир — истина; война, вражда — ложь), то получаются изречения, дающие представление о понимании орфиками мира как истины, которой враждебно понятие «войны», потому что оно является ложью, противоестественным как миру в душе человека и бога, так и миру в широком смысле слова. Возможно, что уже в этих надписях кроется философская мысль о противоположностях и их единстве.

В таком же порядке была расположена надпись и на третьей пластинке, однако от нее сохранились лишь два последних слова (соответственно первой и второй строки — *ἀλήθεια ψυχή*), и это еще более усложняет ее интерпретацию. Слово «истина» в различных сочетаниях представлено на всех трех пластинках, из чего можно заключить, что понимание истины было основным для орфиков. Логическое понимание «жизнь — смерть — жизнь — истина» было выведено из мифологического представления о жизни и смерти Диониса и веры в загробную жизнь. Полярность «истина — ложь» или утверждение «мир — истина» из того же круга представлений могло распространиться и на более широкие понятия о происходящем и наблюдаемом в жизни.

Трудно восстановить первоначальную связь слов и во второй строке на этой пластинке. Можно лишь предполагать, что слово «душа» находилось в какой-то связи с несохранившимся словом и, естественно, со словом

³¹ «Бог: день — ночь, зима — лето, война — мир, изобилие — голод» (H. D i e l s. Die Fragmente der Vorsokratiker, hrsg. von W. Kranz, 13. Aufl., Zürich, 1968, fr. B 67).

³² «История античной диалектики», М., 1972, стр. 71—72.

³³ Н о в о с а д с к и й, Орфические гимны, стр. 54—56; Ф. Х. К е с с и д н, От мифа к логосу, М., 1972, стр. 180—182. Здесь приведен ряд воззрений на истоки философии Гераклита.

³⁴ D i o d., 5, 75, 4; Firmic. Matern. VI, p. 15; P r o c l., In Tim. II p. 145. 18—146.

³⁵ P l a t o, Legg. 3, 701 c; P l u t., De esu carn. 1, 996 c.

³⁶ O l y m p i o d., In Phaed. 61 c, 2, 28, 68 c, p. 48, 25.

«истина», прочерченным над ним. Судя по сохранившемуся окончанию от первого слова в этой строке, здесь, возможно, тоже было прочерчено слово $\acute{\alpha}\lambda\upsilon\theta\epsilon\iota\alpha$. Орфики противопоставляли понятие тела и души. Последняя мыслилась как доброе начало, частица божества, как и оно, она бессмертна, причастна истине и является истиной, она старше и первичнее всякого тела, которое является ее тюрьмой³⁷. Душа или переселялась в другие живые существа (это мыслилось как наказание), или же освобождалась от цикла рождений, возвышалась до уровня божественного состояния. Орфическое понимание души влекло за собой установление обрядов очищения, различных аскетических воздержаний и предписаний в повседневной жизни. Для орфического культа Диониса были характерны экстаз и исступление, когда душа как бы выходила за пределы тела, возносилась до уровня божества³⁸. Сам Дионис в учении орфиков представлял мировую душу в ее раздроблении и воссоединении³⁹. Согласно Проклу понимание души связывается у орфиков с числом семь и дано оно для души с тем, чтобы она «с одной стороны, обладала делимостью на семь частей (ведь нужно было, чтобы душа, приобщаясь к дионисическому уму и, как говорит Орфей, неся на голове своей бога, в соответствии с этим и получала разделение), а с другой стороны, чтобы в этих частях она обладала гармонией в качестве символа аполлинийского строя»⁴⁰.

В позднеархаическое время вследствие распространения орфических и мистических учений Дионис становится господином души. Об этом свидетельствуют надгробная надпись из Кум и найденные в беотийских погребениях протомы Диониса с яйцом в руке⁴¹.

К рассмотренным можно, по-видимому, присоединить еще две костяных пластинки из Ольвии, которые хотя и не содержат подобного рода надписи, однако имеют прочерченные знаки и рисунки. По аналогии с вышеописанными их представляется возможным рассматривать в связи с культом Диониса⁴². На одной из них (прямоугольной формы, размерами $4,9 \times 3,9 \times 0,5$ см) просверлено в нижнем правом углу ближе к середине маленькое круглое отверстие (рис. 4; 6, 4). В верхней части схематично нарисовано парусное судно. Небольшой парус напоминает букву А, если смотреть сбоку. С этой же стороны у носа судна неотчетливо прочерчены четыре буквы, видимо, как и на одной из предыдущих пластинок: $\Delta\iota\omicron\nu - \Delta\iota\omicron\nu(\omicron\sigma\sigma)$. У круглого отверстия процарапана какая-то надпись, одни буквы которой более углублены, другие — едва заметны и внешне не связываются с надписью более углубленной. Отверстие было сделано после написания этих знаков, о чем свидетельствует отсутствие нижней части *эпсилона*. Надпись не читается. О связи Диониса с кораблем существует ряд мифов, сообщающих, что он при переезде с острова Икария на остров Наксос попал на корабль тирренских морских разбойников⁴³. На вазовой живописи встречаются изображения плывущего на корабле Диониса в окружении лоз винограда и дельфинов⁴⁴.

Следующая пластинка (размеры: $6,5 \times 4,5 \times 0,5$ см) по своей форме отличается от всех остальных. На лицевой тщательно отполированной

³⁷ P l a t o, Cratyl. 400 BC; Tim. 36D — 37C; Legg. 892B, 894D, 895B.

³⁸ R o h d e, Psyche, II, стр. 20, 131 сл.

³⁹ Myth. Vat. III, 12, 5.

⁴⁰ P r o c l., In Tim. 11, 198, 2. Пер. А. Ф. Лосева (Античная мифология..., стр. 170).

⁴¹ N i l s s o n, Geschichte..., стр. 565, 660. У Фукидида (2, 15, 3) он также именуется господином души.

⁴² O—48/4193; O—73/370. Хранятся в Институте археологии АН УССР.

⁴³ A p o l l., III, 5, 3.

⁴⁴ В. Д. Б л а в а т с к и й, История античной расписной керамики, М., 1953, стр. 134.

поверхности схематически прочерчено изображение бегущего коня с опущенной вниз головой (рис. 5; 6, 5). В нижнем правом углу пластинки заметен знак того же типа, что и на предыдущих трех пластинках. Вертикальная черточка этой буквы согнута дугой и сильно вытянута книзу. В схематическом изображении гривы коня, по-видимому, прочерчена *альфа*. Эти две буквы, как и на предыдущих пластинках, тоже, очевидно, можно толковать как символ расчленения и единения Загрея-Диониса. В борьбе с титанами он претерпевает ряд превращений: в молодого Зевса, старика Кроноса, льва, коня, рогатого дракона, тигра и быка⁴⁵. Все перечисленные животные в той или иной мере стали атрибутами Диониса. В представлении греков он особенно тесно был связан с бычьей природой⁴⁶. В орфических оргиях символически происходило растерзание бога-быка⁴⁷. Конь почти не встречается рядом с изображениями Диониса, но, судя по мифологическим данным о его превращении, и он играл в его культе какую-то роль. Предложенная предварительная интерпретация этих оригинальных граффити не исключает, естественно, других вариантов их истолкования.

Выяснение назначения пластинок тоже представляет трудность в силу нашей неосведомленности о всех подробностях орфического культа Диониса. Можно лишь предполагать, что эти пластинки были своеобразными символично-ритуальными предметами в его культе и в орфическом фиасе, который, по всей вероятности, существовал и в Ольвии. Следы сильной сглаженности и затертости букв свидетельствуют о каком-то практическом применении пластинок. Следует отметить, что подобного типа костяные пластинки в Ольвии не являются редкостью, однако на большинстве из них нет граффити. Такие же тщательно обработанные и отполированные пластинки были найдены как при исследовании теменоса, где они имели, несомненно, какое-то культовое назначение, так и при раскопках жилых кварталов. Последняя найдена в районе юго-западной части агоры Н. А. Лейпунской в 1974 г.⁴⁸ Посредине пластинки прочерчены черточки и знаки, имеющие, видимо, магическое значение. Две ольвийские пластинки с магическими надписями и рисунками опубликованы И. И. Толстым⁴⁹. У нас нет никаких данных, чтобы причислять и эти пластинки к орфическому кругу, хотя, как нам известно из источников, различного рода магические действия, заклятия, прорицания, магические амулеты были характерны для орфиков⁵⁰.

У древних авторов имеются сообщения о символах таинств Диониса, которые впервые были упомянуты в стихах Орфеем (игральные кости, зеркало, шар-кубарь, яблоки, ромб, шерсть и др.).⁵¹ Примечательно, что игральная кость названа первой, однако трудно себе представить ее конкретную форму. Все символические предметы мистерий Диониса применялись в священном обряде растерзания бога титанами, поймавшими его при помощи этих игрушек. Изречения на пластинках из Ольвии в сопровождении мистериально-магической системы знаков и рисунков предназначались, очевидно, для разъяснения орфикам явлений жизни и того,

⁴⁵ Kern, *Orphicorum fragmenta*, 297; Nonn, *Dion.* VI, 165—200. В своей знаменитой поэме о Дионисе Нонн перечисляет эти многочисленные превращения Диониса-Загрея.

⁴⁶ Eur. *Vacch.* 913 f.; Lyc., 209; Athen., XI, 51, p. 476 a.

⁴⁷ Rohde, *Psyche*, II, стр. 118.

⁴⁸ О-74/264. Хранится в ИА АН УССР.

⁴⁹ Толстой, *Греческие граффити...*, стр. 10, 47.

⁵⁰ Herod., VI, 6; Strabo, 330, 18; Plin., NH, 30, 7; Paus., 6, 29, 18; Roscher, *Ausführliches Lexicon...*, III, стр. 1103 сл.; Новосадский, *Орфические гимны*, стр. 111.

⁵¹ Clem. Alex., *Protr.* II, 17, 2—18; Arnob., 19.

каким путем можно было достичь бессмертия, возвыситься до божества. В Южной Италии, в Фессалии, на Крите, где особенно прослеживается сильное влияние орфико-пифагорейских учений, в погребениях III в. до н. э. были найдены золотые таблички с прочерченными на них отрывками из одного стихотворения, в котором покойнику давались различные наставления, как в потустороннем мире достичь лучшей жизни⁵². Учение о жизни и смерти, вера в бессмертие души, в особое положение посвященных в орфические таинства в потустороннем мире способствовало популярности и широкому распространению орфизма⁵³, а вместе с ним и культа Диониса в различных его проявлениях.

Из рассказа Геродота о Скиле известно, что уже в первой половине V в. до н. э. в Ольвии происходили обряды посвящения в таинства Диониса Вакхея, его мистерии⁵⁴. Празднества, как и в Греции, носили шумный экстатический характер⁵⁵. Для ольвиополитов, видимо, не играл особо важной роли тот факт, что в эти таинства посвящался и чужой по происхождению человек, каким был в данном случае царь Скил. «Когда Скил был посвящен в таинства Вакха, — писал Геродот, — один из борисфенитов с насмешкою сказал скифам: „Вы, скифы, смеетесь над нами, что мы устраиваем вакхические празднества и что в нас вселяется бог, а вот теперь этот бог вселился и в вашего царя: он совершает вакханалии и находится в иступлении под наитием божества“»⁵⁶. Это иступление и экстаз людей, освобожденных от обычных норм жизни, создавали иллюзию выхода человеческой души за пределы тела, возвышали их до уровня божества, до слияния их душ с душой бога. Именно этот момент культа Диониса привлекал внимание и древних и более поздних философов⁵⁷.

В свидетельстве Геродота для нас очень важен факт почитания Диониса в Ольвии в его наиболее распространенной ипостаси с самого раннего периода существования города, а также упоминание «*ἄν τῷ θιάσῳ*», указывающее на культовую организацию, в которой участвовали не все жители, а лишь посвященные. Орфические и вакхические таинства имели много общего⁵⁸, а потому, вероятно, ольвийский фиас существовал не изолированно, а находился под каким-то влиянием орфических учений, известных здесь уже в это время. Археологические и эпиграфические данные, дополняя сведения Геродота, раскрывают новые аспекты культа Диониса.

Наиболее ранние из известных нам памятников, свидетельствующих о почитании Диониса в Ольвии, относятся к концу VI в. до н. э. На одном бронзовом зеркале, найденном в архаическом погребении, процарапана тонким острием по краю надпись: «Демонасса, дочь Ленея, радуйся, и (ты) Ленея, сын Демокла, радуйся»⁵⁹ (рис. 7). Опубликовавшая эту надпись Н. П. Розанова небезосновательно связывает ее с культом Диониса-

⁵² A. O l i v i e r i, *Lamellae aureae Orphicae*, Bonn, 1915; С. Я. Л у р ь е, Древнегреческие паспорта для входа в рай, «Вопросы античной литературы и классической филологии», М., 1966, стр. 23—28.

⁵³ Судя по надписи на одной из золотых табличек, посвященные называли себя чистыми людьми. «О счастливый и блаженный, ты стал богом из человека», — так обращается Персефона к мисту (Л у р ь е, Древнегреческие паспорта..., стр. 27—28).

⁵⁴ H e r o d., IV, 78—80. Одно граффито на обломке килика V в. до н. э. (O—64/725) содержит эпиклезу *Βάκχος*, что еще раз указывает на распространение этого культа в Ольвии.

⁵⁵ N i l s s o n, *Geschichte...*, стр. 532 сл.; R o s c h e r, *Ausführliches Lexicon...*, I, стр. 1035—1038.

⁵⁶ H e r o d., IV, 79 = SC, I, стр. 34.

⁵⁷ Л о с е в, *Античная мифология...*, стр. 154.

⁵⁸ H e r o d., II, 49; R o s c h e r, *Ausführliches Lexicon...*, III, стр. 1106—1110.

⁵⁹ Н. П. Р о з а н о в а, Бронзовое зеркало с надписью из Ольвии, «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья», Л., 1968, стр. 248—251.

Ленея. Праздник *Λήναια*, справлявшийся в Аттике в месяце *Γαμηλιών* (ионийском — *Ληναίων*), а затем и Дионис получили имя от слова *λήνος* — «чап», в котором выжимали виноград⁶⁰. Свидетельством того, что этот праздник мог справляться и в Ольвии, является наличие в ее календаре месяца *Ληναίων*⁶¹. Теофорные имена — *Διονυσιας*, *Διονυσόδωρος*, *Λήναιος* — засвидетельствованы многими эпиграфическими памятниками из Ольвии и Березани с V в. до н. э.⁶² Одна из важнейших ольвийских надписей V в. до н. э. указывает, что Дионисодор, сын Ленея, являлся эсимнетом мольпов (стефанефором?)⁶³. Любопытно в данном случае, что некий Лней назвал своего сына в честь Диониса (буквально «дар Диониса»). Весьма вероятно, эта семья была причастна к тайнам Диониса, которые в то время уже приобрели популярность в Ольвии. Судя по тому, что, согласно рассказу Геродота, в вакхические тайнства был посвящен и скифский царь Скил, женатый на гречанке и имевший в Ольвии дворец, можно предполагать, что многие знатные и родовитые граждане города были причастны этому фиаску.

Таким образом, культ Диониса-Ленея был известен и в Ольвии, и на Березани с самого раннего периода их существования. При этом интересно попытаться выяснить, какую роль играло зеркало в культе Диониса. Известно, что у многих народов зеркалам приписывалось магическое свойство; в древнегреческой религии они связывались, главным образом, с культом Деметры⁶⁴. Гораздо меньше данных о связи этого предмета с ритуалом Диониса. Праздник леней по своей обрядности многим напоминает дионисии, где помимо торжественного шествия по городу разыгрывались различные сцены, отображающие мифологические сюжеты о смерти и возрождении Диониса. Согласно мифу, Дионис-Загрей смотрелся в зеркало в то время, когда на него падали титаны, поэтому оно стало

Рис. 7. Бронзовое зеркало с граффито

⁶⁰ Roscher, Ausführliches Lexicon..., I, стр. 1070—1074; И. Трещени-Вальдапфель, Мифология, М., 1959, стр. 257.

⁶¹ В. В. Латышев, О календарях Ольвии, Тире и Херсонеса Таврического, *Почта*, СПб., 1909, стр. 26, 32; Ю. Г. Виноградов, А. С. Русяева, Новые эпиграфические данные о милетском календаре. Тезисы докладов конференции «Египет», Ереван, 1976, стр. 67. М. Нильссон считает, что почти все названия месяцев греческих календарей происходят от названий праздников (M. Nilsson, Die Entstehung und religiöse Bedeutung des griechischen Kalenders, Lund, 1962, стр. 32, 57).

⁶² IOSPE, I², 89, 95, 111, 192, 201, 209; HO 15, 26, 58, 68, 70, 73, 80, 90; Толой, Греческие граффити..., стр. 53 сл.

⁶³ HO 58. Надпись удачно дополнена недавно в работе F. Graf, Das Kollegium der *Μολποι* von Olbia, «Museum Helveticum», 31, 4, 1974, стр. 209—213.

⁶⁴ Paus., VII, 21, 12.

одним из символических предметов в его таинствах⁶⁵. Об учреждении ритуальных сцен в честь Диониса на Крите свидетельствует Фирмик Матерн, указывающий, что поклонники его культа демонстрировали все, что он делал перед смертью, при этом особая роль отводилась погремущкам, при помощи которых он был обманут⁶⁶. В такой же мере, как и погремущки, зеркало применялось в обрядности этого культа⁶⁷. Однако зеркалу Диониса орфики приписывали и другое значение, считая его особым символическим предметом, который объяснял образ Диониса в его становлении в инобытии: в отображении бога в зеркале проявлялась сущность первообраза⁶⁸. Дионис, по свидетельству Олимпиодора, увидев в зеркале свое изображение, «последовал за ним и таким образом расчленился на Все»⁶⁹. Естественно, этот сложный символизм зеркала в дионисической философии едва ли был известен массе верующих, да и вряд ли стал бы им понятен.

На применение ольвийского зеркала в ритуальных действиях культа Диониса указывает восклицание *эйай*, которое было характерно для празднеств Диониса⁷⁰. Демонасса и Ленея могли принадлежать к жреческой семье, либо быть посвященными в таинства Диониса. Жрец или посвященный имел право называться именем бога, потому что Дионис — единственный из древнегреческих богов, кому приписывалось требование, чтобы его почитатель был отождествлен с ним самим⁷¹. Считалось, что смертный человек вполне может придать себе облик бога с помощью масок и грима. Слово «радуйся», обращенное к Демонассе и Ленею и выраженное вакхическим возгласом, тоже имеет свое значение. Посвященные в таинства Диониса должны были радоваться приобщению их к будущему бессмертию. Не напрасно это зеркало было положено и в погребение, очевидно, оно, как и золотые таблички, должно было послужить своеобразным паспортом в потустороннем мире. Таким образом, весьма вероятно, что данное зеркало тоже является косвенным свидетельством существования в Ольвии орфизма.

Култ Диониса в Ольвии засвидетельствован и другими археологическими и эпиграфическими памятниками. К раннему периоду существования города относится учреждение его празднеств — ленеи, антестерий, дионисий⁷². Последние устраивались здесь, как и в других городах Греции, официально, на них собирались должностные лица, жрецы, граждане города и приезжие⁷³. После различных церемоний, большого пира, состязаний хоров у жертвенника Диониса все собирались в театре —

⁶⁵ Firmic. Matern. VI, p. 15; Clem. Alex., Protr. II, 17, 2—18, 1; Arnob., 19.

⁶⁶ Firmic. Matern. VI, p. 15.

⁶⁷ Arnob., 19; Plotin, IV, 3; Clem. Alex., Protr. II, 17.2—18, 1.

⁶⁸ Procl., In Tim. 1—2 p.

⁶⁹ Olympiod., In Phaed. p. 111, 14.

⁷⁰ Розанова, ук. соч., стр. 250 сл. В 1976 г. в Феодосии было найдено граффито на донышке чернолакового сосуда с аналогичной вакхической надписью — восклицанием «эйай» и «эйай» (Б. Г. Петерс, А. И. Айбабин и др., Феодосийская экспедиция. Археологические открытия 1976 года, М., 1977, стр. 353).

⁷¹ Rohde, Psyche, II, стр. 118.

⁷² Существование праздника Ленеи зафиксировано надписью на зеркале конца VI в. до н. э. Так называемые «застольные надписи», прочерченные на различных сосудах VI—IV вв. до н. э. (Толстой, Греческие граффити, стр. 12—20), шуточные и веселые по содержанию, по-видимому, связывались не только с употреблением вина в быту, но и с праздником Диониса — антестериями, тем более, что соответствующий этому празднику месяц *антестерион* был в ольвийском календаре. Надписями IV—III вв. до н. э. засвидетельствованы дионисии и связь культа Диониса с театром (IOSPE, I², 25; Ю. Г. Виноградов, Эпиграфические открытия последних лет в Ольвии, Тезисы докладов конференции «Новейшие открытия советских археологов», II, Киев, 1975, стр. 89—90).

⁷³ Roscher, Ausführliches Lexicon..., I, стр. 1069—1078.

в своего рода храме Диониса, где в первую очередь архонты награждали золотыми венками граждан, оказавших большие услуги городу или государству. К первой половине IV в. до н. э. относится надпись с упоминанием жреца Диониса, что в свою очередь является свидетельством наличия в Ольвии святилища или храма этого бога ⁷⁴. Найдены здесь и граффити с именем Иакха, который был введен в элевсинские мистерии орфиками и чаще всего отождествлялся с Дионисом Вакхеем ⁷⁵. Одно граффито V в. до н. э. как раз и представляет его в составе элевсинской мистической триады (Деметра, Персефона, Иакх) ⁷⁶, на другом, относящемся к IV в. до н. э., имя бога прочерчено в именительном падеже ⁷⁷. Посвященные граффити Дионису на киликах и канфарах, как и посвящения другим божествам, указывают только на имя бога, но не раскрывают ни характера культа, ни его обрядности ⁷⁸. Образ Диониса в Ольвии представлен в терракотовой пластике и скульптуре с V в. до н. э. ⁷⁹. Бог чаще всего изображался в венке, с бородой (рис. 8), иногда, подобно Деметре, с коримбами. В IV—III вв. до н. э. заметно увеличение производства местных терракот с изображением спутников Диониса — Силена, Сатира, Пана, ритуальных масок, в том числе и Диониса, культовых алтариков ⁸⁰.

Кроме приведенных выше основных групп памятников культа Диониса в Ольвии, создающих в той или иной мере представление о его образе или обрядности, здесь найдены и другие, среди которых выделяются свинцовые букрании и секиры, изготовлявшиеся в Ольвии в IV—II вв. до н. э. ⁸¹ Первые представляют собой стилизованное ажурно-рельефное

⁷⁴ IOSPE, 12, 166.

⁷⁵ Kern, *Orphicorum fragmenta*, 215, 2; Roscher, *Ausführliches Lexicon...*, II, стр. 1—14; Kern, *Die Religion...*, I, стр. 154, 227; Новосадский, *Элевсинские мистерии*, стр. 164.

⁷⁶ А. С. Русяева, *Кульст Кори-Персефони в Ольвии*, «Археология», 4, 1971, стр. 39.

⁷⁷ Толстой, *Греческие граффити...*, стр. 49.

⁷⁸ Толстой, *Греческие граффити...*, стр. 22; М. Парович-Пешикан, *Некрополь Ольвии эллинистического времени*, Киев, 1974, стр. 76—77.

⁷⁹ Б. В. Фармаковский, *Мраморная головка Диониса из Ольвии*. СГАИМК, I, 1926, стр. 193 сл.; О—1904/1347; 1583 — Государственный Эрмитаж; А. С. Русяева, *Рельефнй изображения Диониса та Ариадни на посуді з Ольвии*, «Археология», 20, 1976, стр. 36—42.

⁸⁰ Терракоты Северного Причерноморья. САИ, вып. Г1 — 11, М., 1970, табл. 12, 8; 14,5; 21; 22; 25,2, 6, 7; Надпись второй половины II в. н. э. сообщает о посвящении Дионису и Семеле — НО, 170.

⁸¹ К. И. Зайцева, *Ольвийские культовые свинцовые изделия*, КИАМ, 1971, стр. 84—106. К. И. Зайцевой собрано и опубликовано 172 букрания, найденных за многие годы археологических исследований города Ольвии, его некрополя (где была найдена основная масса этих предметов) и ольвийской хоры, в частности, на Березанском поселении и на поселениях у сел Петуховка и Дидова Хата. Любопытно, что подобного типа предметы не обнаружены пока в других античных городах и поселениях Северного Причерноморья, что указывает на их специфическое ольвийское происхождение, связь с определенным ритуалом хтонического культа Диониса-Загрея и погребальным обрядом. Букрании разделены К. И. Зайцевой на три основные группы, внутри которых выделяется большое количество вариантов, столь разнообразны они были по стилистическим особенностям. Для одних характерно применение многообразных украшений, для других — скромность и простота (рис. 9). За последние пять лет раскопок Ольвии на участке к северо-западу от теменоса, исследуемом автором, найдено еще несколько букраниев и секир, а также формы для их отливки (рис. 10, 11). Следует отметить, что они находились в выбросе, очевидно, медно-литной мастерской эллинистического времени. Среди шлаков и различных отходов медного литья были обнаружены куски свинца, очень мелкие обломки букраниев и секир. фрагментированная форма для их отливки. Это еще раз свидетельствует о местном производстве данных культовых предметов. Форма, в свою очередь, является свидетельством как одновременного их изготовления, так и культовой их взаимосвязи, идущей из глубокой древности.

Рис. 8. Терракотовая голова Диониса

изображение головы быка (очень редко барана), украшенное чаще всего листьями плюща, гроздьями винограда, розетками, повязками; секиры сделаны в виде тонких двухлезвийных топориков с небольшими рукоятками.

Культе букрания и двойного топора в их связи с Зевсом и Загреем прослеживается еще в памятниках критской археологии⁸². Эти сакральные символы имели широкое распространение в искусстве античных городов на протяжении многих веков. Однако ольвийские изделия из свинца имеют свою оригинальную трактовку. Свинцовые секиры и букрания, отличные от ольвийских и относящиеся к более раннему времени (VII—VI вв. до н. э.), были найдены в святилище Артемиды Орфии в Спарте⁸³. Наиболее близкой аналогией по времени, стилистическим и техническим признакам служат три букрания из некрополя Аполлонии Понтийской⁸⁴. Опубликованному эти предметы И. Венедикову, к сожалению, остались неизвестны ольвийские букрания. Поскольку в Аполлонии они найдены в единичных экземплярах и нет никаких данных об их местном производстве, можно предполагать, что они были завезены туда из Ольвии.

⁸² R. D u s s a u d, *Les Civilisations préhelléniques*, P., 1910, стр. 196, 205; H. Th. B o s s e r t, *The Art of Ancient Crete*, L., 1937, стр. 200 сл.; Л о с е в, *Античная мифология...*, стр. 114—121.

⁸³ R. M. D a w k i n s, *The Sanctuary of Artemis Orthia at Sparta*, L., 1929, табл. CLXXIX, CLXXX, CLXXXVI.

⁸⁴ Аполлония. Розкопките в некропола на Аполлония през 1947—1949 г., София, 1968, стр. 319 сл. И. В е н е д и к о в, *Фракийцы в греческом искусстве Понтийской Аполлонии*, С.А. 1969, № 3, стр. 72.

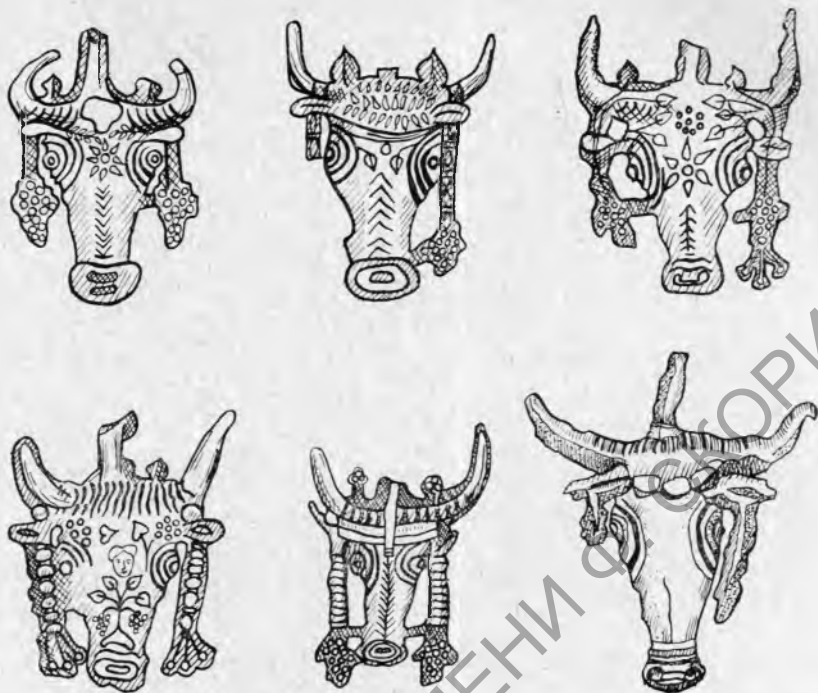

Рис. 9. Свинцовые букрании

Бык был священным животным многих божеств, но особенно тесно связан он с культом Диониса⁸⁵, которого часто изображали в образе быка⁸⁶. Появление первых букраниев в Ольвии засвидетельствовано на монетах рубежа V—IV вв. до н. э. В отличие от всех остальных монет, где на лицевой стороне обычно изображалось какое-либо божество, здесь представлена голова быка, а на оборотной — тирс, атрибут Диониса⁸⁷. Весьма вероятно, букраний здесь не просто символ бога, но и непосредственный его образ. Одновременно с бытованием свинцовых букраниев в IV—II вв. до н. э. в Ольвии появляются разнообразные терракотовые изображения бычков, служившие вотивами, тоже местного производства; найдены они в основном при исследовании теменоса⁸⁸.

Появление в Ольвии в IV—II вв. до н. э. сравнительно большого количества букраниев и секир местного производства указывает на большое значение и своеобразие культа Диониса в городе. В возрождении древнейшей формы культа Диониса-Загрея следует, вероятно, усматривать элементы каких-то религиозно-философских учений, известных в Ольвии и нашедших отображение в этих оригинальных памятниках. Если одни предметы культа Диониса раскрывали его образ, нашедший наиболее широкое распространение в древнегреческой иконографии, как покровителя виноградарства и виноделия, бога вина и веселья, то букрании характеризуют его как бога умирающей и воскресающей растительности,

⁸⁵ Eurip. Bacch. 913—1017 ff; Poetae Lyrici Graeci, Carm. Popul. 5: Нопп., Dion. В орфических и вакхических оргиях происходило растерзание быка как символа бога.

⁸⁶ Дж. Фрэйзер, Золотая ветвь, М., 1928, стр. 105.

⁸⁷ П. О. Карышковский, Заметки о монетах Ольвии, СА. 1960. № 3, стр. 301—305.

⁸⁸ Терракоты Северного Причерноморья, САИ, вып. Г1—11. М., 1970. табл. 25.

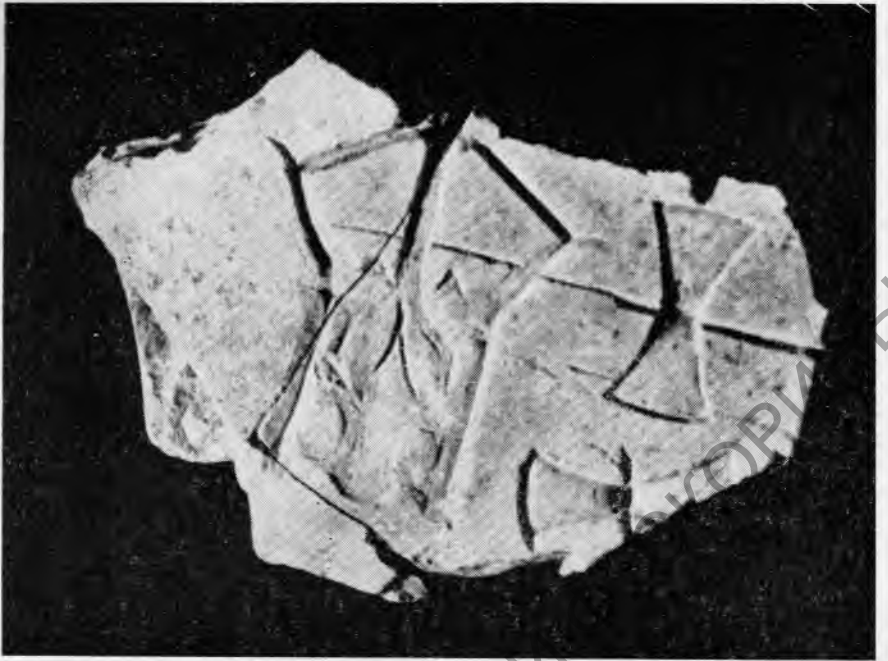

Рис. 10. Форма для отливки бугракия и секир

Рис. 11. Форма для отливки бугракия

который был и покровителем умерших, что сближает его с орфизмом. Находки букраниев и секир в насыпях могил и курганов не случайны, они свидетельствуют об особом, установленном в Ольвии ритуальном использовании этих предметов, связанных как с культом Диониса хтонического, так и с традиционными установлениями культа мертвых, должествовавшего способствовать возрождению природы. Между тем и другим существовала глубокая взаимосвязь. «Вероятно, букрании рассматривались как жертва, секиры — как орудие, которым эта жертва приносилась в честь бога Диониса,— пишет К. И. Зайцева.— Букрании и секиры служили скромными и дешевыми подношениями в честь хтонического Диониса и бросались в насыпи могил, чтобы Дионис даровал блаженство душе умершего человека и способствовал плодородию почвы, в которой оказывались эти скромные дары»⁸⁹.

Помимо этого, как и в культах других божеств (Деметры, Керы-Персефоны, Гермеса, Кибелы), в эллинистический период на почитании Диониса сказывается влияние самофракийского культа Кабиров. Свинцовые бараньи головы, украшенные гроздьями винограда и плющом, также посвящались Дионису хтоническому с тем только различием, что последний ближе стоял к самофракийским божествам, для которых особенно характерным было посвящение барана и в то же время, как и Дионису, плюща, виноградной лозы и гроздьев. Самофракийские мистерии тоже находились под сильным влиянием орфизма. Здесь были созданы специальные учения о человеке, его отношении к божеству, о нравственных обязанностях, о загробной жизни⁹⁰. Возрождение древнейшей традиции почитания секиры и быка, неразрывно связанных с Дионисом, глубокий синкретизм его с Загреем, Зевсом и Кабирами, создание местного обряда и его материальных аксессуаров — все это свидетельствует о высокой культуре Ольвии этой эпохи, о живучести древних традиций.

Таковы в общих чертах археологические данные о культе Диониса в Ольвии и связанных с ним орфических учениях. Несмотря на то, что наши источники не особенно обширны, они все же раскрывают некоторые аспекты орфической интерпретации религии Диониса. Граффити на костяных пластинках впервые в эпиграфике показали связь этого учения с религией Диониса-Загрея. Дионис имел в Ольвии самостоятельный культ, официально признанный и доступный благодаря своим празднествам и ритуалу широком массам населения. Терракотовые статуэтки, протомы и маски Диониса и его спутников, мраморная скульптура, празднества, устраиваемые в честь Диониса, многочисленные расписные сосуды с изображениями мифических сцен из жизни Диониса указывают на непосредственную связь с Атикой. Исторически сложившееся своеобразие культа Диониса с присущими ему различными проявлениями и чертами, влияние орфизма на его развитие и распространение, наделение божества эпитетами в соответствии с определенными религиозно-философскими течениями, тесная взаимосвязь с другими божествами — были характерны и для Ольвии. Если, с одной стороны, ярко проявляется аттический тип Диониса в различных его ипостасях, то, с другой,— заметно и самофракийское влияние, и глубокая архаизация культа Диониса, связанные с орфическими учениями. Благодаря этой архаизации, возрождению того древнего культа Диониса, который был известен еще на Крите, в Ольвии ясно прослеживается хтоническая сущность этого бога как покровителя душ умерших, как умирающего и возрождающегося божества,

⁸⁹ З а й ц е в а, ук. соч., стр. 97—98. Загрей воплощал чаще всего только одну ипостась бога Диониса — его хтоническую сущность (К е r n, Die Religion..., II, стр. 159).

⁹⁰ Н о в о с а д с к и й, Культ кабиров в древней Греции, стр. 179—181.

способствующего плодородию земли. В этом качестве его функции были шире, чем просто бога вина и веселья, и в то же время он отличался своеобразием, выделяясь среди прочих божеств экстагическим ритуалом и обрядами.

Кульг Диониса был широко известен и в других античных городах Северного Причерноморья⁹¹, однако мы пока не располагаем достаточными данными для его сравнительной характеристики там и в Ольвии в VI—II вв. до н. э.⁹²

ORPHISM AND THE DIONYSUS CULT IN OLBIA

A. S. Rusyayeva

The author discusses epigraphical and archaeological material from Olbia having to do with the cult of Dionysus and the Orphic doctrine associated with it. Of particular interest are 5th century graffiti on bone which bear the name of Dionysus, the first mention of Orphics, a philosophical maxim and symbolic number-signs and drawings directly connected with Orphic philosophy and the worship of Dionysus Zagreus. Study of this material in relation to passages from ancient authors concerning the Orphic interpretation of the Dionysus cult, based on the myth of his death and rebirth, shows the presence of an Orphic community in Olbia in the 5th century B. C. The popularity of Orphic teachings in Olbia their influence on religious rites is indirectly attested by an inscribed bronze mirror (from the turn of the 6th to 5th centuries) used in the performance of rituals at festivals of Dionysus, and also by the local production in the 4th to 2nd centuries of lea bucrania and double-axes. The discovery of these objects in the fills of graves and barrows is solid evidence of their ritual employment in celebrating the cult of Dionysus Zagreus and also of the traditions connected with the observance of the cult of the dead, the purpose of which was to ensure the rebirth of nature and the immortality of the soul, ideas closely bound up with one another. The Dionysus cult was officially recognised in Olbia, its festivals and ritual were widely observed among the citizenry. The history of the cult, the variety of its forms and features, the influence of Orphism on its development and diffusion, the attribution to the god of different names corresponding to different philosophical and religious currents among his worshippers, the close ties of the god with other divinities — all were represented in Olbia.

⁹¹ Корпус боспорских надписей, М.—Л., 1965, № 24; Терракотовые статуэтки. Пантикапей, САИ, вып. Г1—11, часть III, М., 1974, табл. 12; А. П. И в а н о в а, Скульптурные изображения Диониса из Херсонеса, СА, 1964, № 2, стр. 134 сл.; Античная скульптура Херсонеса, Киев, 1976, стр. 14—19, табл. 1—18; Терракоты Северного Причерноморья, САИ, вып. Г1—11, часть II, М., 1970, табл. 12, 44.

⁹² Выражаю благодарность Ю. Г. Виноградову, советы и консультации которого способствовали созданию настоящей статьи.